Маленький Эджед даже не знал, как это – жить счастливой жизнью. Когда он позже спросил об этом Робби, тот ответил, что тогда очень за него беспокоился.

А затем у Робби началась странная истерика.

В разгар приступа у Робби сильно разболелась голова. Он сказал, что Эджед не должен расстраиваться из-за своих родителей, и что сам он должен жить в соответствии с приказами Эджеда.

Это было безумно.

Робби сказал, что желает для Эджеда жизни в полной безопасности, но обеспечить ее было трудно.

Хотя Эджед был благодарен ему во многих отношениях, но он должен был сам решать вопросы, связанные с браком.

И вот опять.

Опять прозвучало раздражающее дребезжание мисок.

Когда он поднял взгляд, то увидел поваров, лица которых были мертвенно-белыми.

«Ах… Уже утро».

Он вспомнил, как утром кто-то спросил его о завтраке. Он сказал, что явится на него.

Его рефлекторный ответ был вызван мыслью о том, что если он пропустит два приема пищи подряд, императорскому шеф-повару урежут зарплату.

Эджед вздохнул и пошел в столовую. Он не спал всю ночь.

И как только был издан этот тихий звук, все повара замерли.

— В–Ваше-Ваше Величество. Завтрак подан.

Эджед благодарно улыбнулся. Затем в столовой раздался грохот.

Бум!

— И-и-извините!

— …

— Сир! У меня пожилая мать…

— …Убирайтесь.

Когда Эджед произнес приказ, который повара хотели услышать больше всего, они изменились в лицах.

Они поспешили из столовой на случай, если Эджед передумает.

В просторной столовой не осталось даже муравья.

Эджед, который остался наедине с блюдами и посудой, выглядел удрученным.

Даже когда стол перед ним был заставлен блюдами, он не мог думать о еде.

Он никогда не видел, чтобы кто-то начинал с ним разговор, кроме его родителей и Робби.

Все остальные говорили что-то вроде: «Ваше-Ваше-Ваше Величество» или «Си-Си-сир, я заслуживаю смерти, но, пожалуйста, позвольте мне жить».

Любой, кто заговаривал с ним, замирал. Если он улыбался, все вздрагивали и смотрели на него, будто он был мрачным жнецом.

Им было даже трудно дышать с ним одним воздухом. Тем, кто стоял перед ним, особенно сильно нравился приказ «убирайся».

Сначала он обижался на родителей, которые родили его таким.

Но затем он перестал так думать.

Это произошло, благодаря гордой даме, которую он случайно встретил в церкви семь лет назад.

Щеки Эджеда покраснели, как помидор, который лежал в салате перед ним.

Он очень ярко помнил тот день.

Это произошло днем. Тогда у него ухудшилось зрение из-за того, что он всю ночь читал роман про драконов.

Придя в церковь, Эджед изо всех сил напрягал глаза, пытаясь различить лица людей. Тогда от него все шарахались и отбегали, как от чумы.

Это была более сильная реакция, чем обычно, поэтому у Эджеда заболела душа.

«Я должен был заранее положить свои очки...».

Эджед, сожалея обо всем, тихонько обошел всех стороной и прокрался на террасу.

И там он столкнулся с чем-то неожиданным.

[Идиотка. Почему ты плачешь?]

Что это, черт возьми, такое?

Этот голос был более живительным, чем чай Кессен, который, как говорят, хорошо очищает разум.

Когда он спрятался за большим цветочным горшком и высунул голову наружу, то увидел невысокую девушку.

Она обнимала даму, которая была намного крупнее ее. Она говорила с ней тихим голосом.

Это было интересное зрелище.

[Ты хочешь умереть, потому что ничего не стоишь? Это несправедливо. Если хоть где-нибудь в мире есть такой человек, как ты, приведи его ко мне. Если ему будет от одного до десяти лет, и если этот ребенок будет таким же, как ты, я завещаю вам все свое наследство.]

[Хлюп, хлюп...]

[Но такого человека ведь нет, верно? Каждый человек - особенный. Ты – особенная. И я тоже.]

У девушки были коротко подстриженные каштановые волосы, которые отражали яркий солнечный свет, и фиолетовые глаза, которые сверкали, как драгоценные камни.

Ему показалось, что она не из этого мира.

В этот момент, впервые в своей жизни, он осознал истинное значение слов «милая» и «красивая».

Девушка была такой красивой, что он не мог отвести от нее глаз. Также у нее было доброе сердце.

Эджед слушал ее слова, шмыгая носом от холода на прохладной террасе.

Пока он слушал, его сердце как будто подпрыгнуло в груди. Он схватился обеими руками за левую грудь и тихо выдохнул.

Он замер.

Он волновался, не услышали ли его эти две женщины.

http://tl.rulate.ru/book/58702/1851599